

Выводы. Итак, слова-концепты в моделировании лирического сюжета обладают большими потенциями. Обращение поэта к концептам – это стремление соприкоснуться с носителями неких идеальных сущностей, передать чувство «потустороннего», «нездешнего» и, с другой стороны, то сенсорно-эмпирическое знание, которое вбирает в себя концепт. Таким образом через концепты реализуется одно из важнейших когнитивных свойств лирики – трансцендентность.

Слова-концепты (в частности, концепт «небо») как одна из ярких черт идиостиля Иосифа Бродского активно включаются в его переводы, выполняя при этом высокое назначение объединять художественные миры поэтов: поэта – автора оригинала и поэта-переводчика.

Список использованных источников

1. Богат, Е. Мир Леонардо: Философский очерк в 2-х книгах / Е. Богат. – М. : Детская лит-ра, 1989. – 428 с.
2. Бродский, И. Большая книга интервью / И. Бродский. – М. : Захаров, 2000. – 704 с.
3. Гордин, Я. «Наше дело – почти антропологическое» / Я. Гордин // Бродский И. В ожидании варваров. Мировая поэзия в переводах. – СПб. : «Журнал "Звезда"», 2001. – 288 с.
4. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
5. Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. – М. ; Вена : Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
7. Полухина, В. Бродский глазами современников: сб. к интервью / В. Полухина. – СПб. : «Журнал "Звезда"», 1997. – 336 с.
8. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
9. Синельникова, Л. Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках : монография / Л. Н. Синельникова. – Луганск : Знание, 1993. – 188 с.
10. Синельникова, Л. Н. Концепт «неба» в лирике (типология, традиции, идиостиль): историческое и вневременное / Л. Н. Синельникова, Л. В. Черниенко // Жизнь текста, или Текст жизни. – Луганск : Знание, 2005. – Т. 1. Лингвистическая поэтика. – 432 с. – С. 185–188.
11. Соловьёв, В. Общий смысл искусства / В. Соловьёв // Философия искусства и литературная критика. – М. : Искусство, 1991. – 702 с.
12. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.

*К 230-летию со дня рождения
Александра Сергеевича Грибоедова*

УДК 82-225

А. С. ГРИБОЕДОВ КАК ПАРОДИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

В. В. Кузьмич,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры психологии и социальной педагогики
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: wowencykuzmitch@yandex.by

Статья рассматривает личность и творчество А. С. Грибоедова через призму пародии. Анализируются способы репрезентации пародической личности писателя как адресата эпиграмм и пародий, как продуцента эпиграмм и пародий, как концепт пародии.

Ключевые слова: пародия, травестийный текст, пародическая личность, эпиграмма, концепт пародии.

A. S. GRIBOYEDOV AS A PARODY PERSONALITY

V. V. Kuzmich,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Departments of Psychology and Social Pedagogy,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: wowencykuzmitch@yandex.by

The article examines the personality and creativity of A. S. Griboyedov through the prism of parody. The article analyzes the ways of representing the parodic personality of the writer as the addressee of epigrams and parodies, as the producer of epigrams and parodies, as the concept of parody.

Keywords: parody, travesty text, parodic personality, epigram, parody concept.

Введение. В 2025 году исполняется 230 лет со дня рождения классика русской литературы А. С. Грибоедова.

Еще А. Н. Тынянов ввел понятие «пародической личности». Пародическая личность – это своеобразный «двойник» пародируемого автора, «при этом живая личность литератора, живой литератор либо деформируется слегка, либо искажается до полного несходства» [5, с. 302]. Тексты пародий (и не только пародий, но и эпиграмм, писем и т. д.) циклизуются вокруг пародической личности, и только пародийный цикл (необязательно большой) демонстрирует различные ее грани [5, с. 303].

Грибоедов, безусловно, относится к пародическим языковым личностям. Мы рассматриваем три способа репрезентации пародической личности Грибоедова: 1. Грибоедов – объект пародирования; 2. Грибоедов – источник прецедентных текстов. 3. Грибоедов – концепт пародии.

Методы и методология исследования. Основным методом, который мы использовали, был метод направленных ассоциаций при анализе аллюзий и реминисценций. При адекватном декодировании аллюзий реципиент должен воспроизвести нужную ассоциацию. К таким ассоциациям можно отнести имена собственные, названия литературных текстов, топонимы и т. д.

Результаты исследования и их обсуждение.

Грибоедов-адресат пародий и эпиграмм. Основными гонителями А.С. Грибоедова на литературном поприще были его бывшие одноклассники М. Дмитриев и А. Писарев. В эпиграммах на Грибоедова он обозначен как «Грибус». Все эпиграммы можно разбить на две группы:

1) Переход на личности с упоминанием реальных или мнимых физических и психологических недостатков: очки, отвратная рожа, глаза полны змеиным ядом и т. д. Грибоедова прямо сравнивают с Мефистофелем:

Как он на демона похож!

Глаза, черты лица, в точь Фаустов учитель!

Одно лишь обнаружит ложь:

В стихах-то он не соблазнитель.

Гримасу сделала природа

И Грибус выступил в свой жизненный поход;

Она работала морального урод

И вместе вылился физический урод.

(А. Писарев)

*Лицо – есть зеркало души!
И, видя Грибуса с его отвратной рожей,
Все верно повторяют тоже:
Лицо есть зеркало души!*

(А. Писарев)

*Глаза у многих змей полны смертельным ядом,
И видно для того придуманы очки.
Чтоб Грибус, созданный рассудку вопреки,
Не отравил кого своим змеиным взлядом.*

(А. Писарев)

2. Резко отрицательное отношение к литературному творчеству
А. С. Грибоедова:

*Михайло Дмитриев рецензию скропал,
В которой ясно доказал,
Что «Горе от ума» не рецензента горе.
В нем страстная к учению охота,
От схоластических избавившись ходуль,
Он в Шеллинге открыл, что бог есть нуль,
А Грибоедов что-то!*

(М. Дмитриев)

*В комедии своей, умершей до рожденья,
Воспел он горе тех, кто чересчур умен,
А сам доказывает он
От глупости мученье.*

(А. Писарев)

*Одна комедия забыта,
Другой еще не знает свет;
Чем ты гордишься, мой поэт?
Так силой хвастает бессильный волокита.*

(М. Дмитриев)

Как видно из приведенных примеров, Грибоедов предстает в эпиграммах как внешне непривлекательный человек и даже урод. Однако значительно обиднее для Грибоедова была оценка его литературных достижений. Уже и современникам Грибоедова было понятно, что комедия «Горе от ума» – бесспорный шедевр литературы. Из мемуаров современников [2] следует, что Грибоедов был очень самолюбив, причем особенно по отношению к своему главному произведению – комедии «Горе от ума». Авторы же эпиграмм несправедливо считают, что комедия является «умершей от рождения» и что она уже забыта.

Пародии на Грибоедова известны еще с XIX века. В 1912 году цензурный комитет возбудил дело против сочинения г. Баркова, пародию на «Горе от ума». По стилю это так называемая травестия, когда высокий стиль претекста Грибоедова передает низкое содержание в тексте пародии. Примером таких текстов могут служить «Тарас на Парнасе» и «Энеида навыворот».

Естественно, что привести в данной статье любой отрывок из барковской пародии невозможно по цензурным соображениям. Однако и в XXI веке традиция пародировать Грибоедова не прерывается. Примером такого текста

может служить пародия Людмилы Каштановой на Грибоедова с использованием в качестве претекста «Горе от ума». По жанру это также травестийный перепев. Всего лишь на двух страницах нам пересказывают сюжет пьесы, последовательно снижая пафос оригинала. В пародии нет множества действующих лиц из настоящего «Горя от ума», но все главные герои представлены: Чацкий, Софья, Лиза, Молчалин и Фамусов. Эффект травестированности достигается за счет намеренно сниженной лексики:

*Чацкий: Я возвратился в Россию вчера, И вот чуть свет перед вами с утра.
Милая Софья!*

Софья (в сторону): Чтоб чёрт вас побрал.

Чацкий: Как вы прекрасны!

Софья (в сторону): Припёрся с утра. Пардон! Извините, я вас с утра не ждала.

Чацкий: Дядя, что случилось вдруг с Софией? Я спешил сюда из дальних мест. Я считал её своей пассией, может, у неё другой хахаль есть?

Автор пародийного текста весьма вольно обходится с претекстом Грибоедова. Так, Чацкий называет Фамусова дядей, хотя в оригинале ясно сказано, что для Фамусова отец Чацкого просто друг, а не брат. Естественно, что текст пародии не может обойтись и без современных аллюзий:

Софья: Пардон! Что вижу? Вас ист дас? Какой позор! Какой пассаж! Он (Молчалин) не со мной, он не со мною! Ему обиду не прощу, а Лизку с лестницы спущу.

Для квалифицированного реципиента данной пародии ясно, что это отсылка к песне на стихи Ильи Резника «Вернисаж»: *Ах, вернисаж, ах, вернисаж, какой портрет, какой пейзаж ... но вы вдвоем, вы не со мною.*

В дальнейшем конструкция типа *какой позор, какой пассаж* еще раз повторяется в речи Фамусова:

Появляется на шум Фамусов и, увидев происходящее, изобразив на лице ужас: Какой конфуз, какой скандал!

Правда, Фамусов в пародии почему-то заменяет хрестоматийную княгиню Марию Алексеевну на Марию Филипповну.

Конец травестийной пьесы сюжетно не отличается от текста оригинала:

Гуд бай! Сюда я больше не ходок! Пойду в кабак кефир пить до рассвета, Ах, где же носовой платок? (высмаркивается). Карету мне, карету (надевает цилиндр и быстро уходит).

Таким образом, несмотря на всё несовершенство этого травестийного текста, сама попытка обратиться к тексту пьесы «Горе от ума» является показателем того, что «классику не только почитают, но и читают».

Грибоедов – продуцент пародии. А. С. Грибоедов был не только адресатом эпиграмм и пародий, но и сам являлся автором многих эпиграмм. Так, в ответ на колкие эпиграммы Дмитриева и Писарева он написал следующую эпиграмму:

*И сочиняют – врут, и переводят – врут!
Зачем же врете вы, о дети? Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, – но вы ругаться удалцы!
Студенческая кровь, казенные бойцы!
Холопы «Вестника Европы»!*

Лексика в тексте этой эпиграммы является типичной для жанра: *врете, детям прут (розги), холопы*. Можно сказать, что этой эпиграммой Грибоедов вполне расквитался со своими недругами, которые высмеивали его физические особенности, а особенно литературное творчество Грибоедова.

В жанре непосредственно пародии Грибоедов не выступал, но в комедии «Горе от ума» имеются многочисленные аллюзии и реминисценции на другие тексты. Так, в первом акте пьесы, когда Софья рассказывает свой вымышленный сон Фамусову, мы обнаруживаем отсылку к текстам В. Жуковского, а именно, к его переводным балладам «Светлана» и «Людмила»:

*Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь – и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему – вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!..*

Софья, пересказывая свой сон отцу, подчеркивает inferнальность происходящего, что пародирует мрачный колорит баллад «Жуковского».

В конце «Светланы» Жуковский пишет:

*Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.*

В тексте «Горя от ума» Фамусов прямо воспроизводит эту цитату, причем снижает пафос оригинального текста Жуковского:

Повыкинь вздор из головы, где чудеса, там мало складу. Поди-ка ляг, усни опять!

Пародийность ситуации с отсылкой к Жуковскому подчеркивается еще и тем, что, по словам служанки Лизы, Софья читает только французские романы, а содержание своего сна выдумала на основе русского текста Жуковского. Сам же Фамусов, уверяя, что ему от русских книг «больно спится», цитирует того же Жуковского.

Грибоедов – концепт пародии. М. А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» использовал оним *Грибоедов* в качестве концепта. Использование имени А. С. Грибоедова также можно считать пародийным. Булгаков даже приводит причины, почему Дом Грибоедова назван именно так: «Дом назывался «Домом Грибоедова» на том основании, что будто бы некогда им владела тетка писателя – Александра Сергеевича Грибоедова (Домом Герцена владел дядя автора «Былого и дум» (1852–1868), где его двоюродный брат Алексей выведен как Химик). Ну владела или не владела – мы точно не знаем. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки-домовладелицы у Грибоедова не было... Однако дом так называли. Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из «Горя от ума» этой самой тетке, раскинувшейся на софе (намек на двоюродного брата Герцена в «Горе от ума», где восходящий к нему персонаж – племянник Тугоуховской). А впрочем, черт его знает, может быть и читал, не важно это».

Существовала еще одна причина для такого пародийного переименования реального Дома Герцена. Фамилия Грибоедова имеет стёртую внутреннюю форму, связанную с едой. Фамилия же Герцена такой связи с гастрономическими интересами писателей МАССОЛИТа не имеет.

Еще одна глубоко скрытая аллюзия связана с двоюродным братом А. И. Герцена, который упоминался в пьесе «Горе от ума»: *«чинов не хочет знать, он химик, он ботаник, князь Федор, мой племянник»*.

Выводы. Таким образом, А. С. Грибоедов предстает перед читателями XXI века как многогранная личность. Одной из её ипостасей является личность пародическая. Она выявляется, во-первых, через циклы эпиграмм и пародий, адресованных А. С. Грибоедову, во-вторых, через его собственные эпиграммы и некоторые черты пародийности в литературных текстах, в-третьих, через концептуализацию самого имени А. С. Грибоедова.

Список использованных источников

1. Андреев, А. Ю. Грибоедов Александр Сергеевич / А. Ю. Андреев // Императорский Моск. ун-т : 1755–1917 : энциклопедический словарь ; сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 191–193.
2. А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. – М. : Изд-во «Художественная литература», 1980. – 446 с.
3. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М. : Сов. писатель, 1989. – 538 с.
4. Советская литературная пародия : в 2 т. ; сост., вступ. ст. и коммент. Б. М. Сарнова. – М. : Советский писатель, 1988. – 732 с.
5. Тунян, В. Г. А. С. Грибоедов: новое в известном. К 220-летию со дня рождения А. С. Грибоедова / В. Г. Тунян. – Ереван : Изд-во НПУА «Чартарагет», 2015. – 180 с.
6. Тынянов, Ю. Н. Ода как ораторский жанр. О пародии / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – 365 с.

*К 165-летию со дня рождения
Антон Павловича Чехова*

УДК 811.161.1'373'42

СЕНСОРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВОСПРИЯТИЯ В ПОВЕСТИ «СТЕПЬ» А. П. ЧЕХОВА

А. Ю. Миргородская,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языкознания и коммуникативных технологий
Луганского государственного педагогического университета,
г. Луганск, Российская Федерация
E-mail: mirgorodskaya.a.u@mail.ru

В статье проводится анализ сенсорного восприятия в повести «Степь» А. П. Чехова, описывается специфика сенсорной лексики, осуществляется ее классификация на основе модели пяти ощущений: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. Представлены характеристики синестетических метафор – словосочетаний с сенсорными компонентами, не обозначающими объективные характеристики предмета. С помощью семантического, описательного и сопоставительного метода проанализирован значительный эмпирический материал. Сделан вывод о том, что в повести «Степь» А. П. Чехова раскрыт потенциал всех пяти каналов получения знаний о мире. Центральное место занимает описание зрительных образов, которые дополняются слуховыми акцентами с использованием музыкальных терминов, лексем, передающих нюансы